Приложение к № 252 газеты «Великолукская правда»

ВЕЛИКОЛУКСКАЯ СВЕЧА ПРЕПОДОБНОГО МАРТИРИЯ

Прошло совсем немного времени, и полная версия книги о Великолукском Троице-Сергиевом монастыре вновь выходит в периодической печати. Оказалось, что судьба преподобного Мартирия открыла перед нами новые страницы родной истории. Прежде всего, мы узнаем о забытых подвижниках великолукской земли: старце Боголепе, схимонахе Антонии, игумене Феодосии (Десницком) и других представителях духовного воинства. Но есть и трагическая сторона памяти – в следующем году будет отмечаться 100 лет со времени закрытия великолукских монастырей. Мы были лишены тех центров православия, в которых совершалась непрестанная молитва, где жили люди, посвятившие себя Богу. А ведь было время, когда русский город не мыслился без монастыря.

Но жизнь не стоит на месте, и работа в архивах дает свои плоды: появляются все новые факты о разрушенном монастыре, правда, эти сведения оформляются в виде научных статей. По мере накопления материала планируется выпуск газетных публикаций и коротких очерков. Уже сейчас готовится новое издание книги о Мартирии Зеленецком петербургского автора Максима Антипова. И мы с нетерпением ждем презентации в Великих Луках.

Хочется надеяться, что поучительные моменты из прошлого станут ближе, помогут осознать важность духовной традиции и монашеского подвига для нашего народа.

Олег ЯРОВИКОВ, Станислав ПЕТРОВ

НАВСЕГДА С НАМИ

Судьба русского монашества неотделима от истории Российской государственности. Появление на землях древней Руси первых подвижников христианского благочестия способствовало духовному укреплению и просвещению нашего народа.

Помимо известных обителей, которые всегда являлись центрами массового паломничества, в нашей стране есть и небольшие провинциальные монастыри, чей облик, как и сама их история, к сожалению, постепенно утрачивается. Одни исчезают безвозвратно, другие становятся приходскими храмами, третьи переживают тяжелые времена войн и гонений.

Издревле в Великих Луках и его окрестностях располагалось множество обителей: Ильинский мужской (после 1685 года – Вознесенский девичий монастырь), Никольский, святых Косьмы и Дамиана, Коптев монастырь, Введенский, Егорьевский, Марипчельский-Успенский мужской монастырь и другие.

Особое место среди них занимал Троице-Сергиев (Сергиевский) мужской монастырь. Это одна из самых древних обителей в Великих Луках. Монастырь был довольно большой, имел собственные земли с крестьянами и даже приписные монастыри. Также примечательна его история, в которой периоды тяжелых потрясений чередовались с небывалым расцветом и явлением удивительных примеров подвижничества преподобного Мартирия Зеленецкого, схимонаха Антония Крючского, архимандрита Аркадия (Чанка), святителя Тихона, Патриарха Московского. Кроме этого до своего разорения в начале XX века здесь хранилось такое количество православных святынь, которых не было ни в одном другом храме нашего города.

Тем не менее великолукский Сергиевский монастырь не исчез бесследно. Его история осталась в документах, которые свидетельствуют о теплом отношении великолучан к этой обители, рачительности многих ее настоятелей, а также неоднократном возрождении монастыря после вражеских набегов. В отдельные периоды он мог претендовать на роль культурно-образовательного центра, оставаясь для верующих лечебницей их духовных недугов. Для нас Троице-Сергиев монастырь – это, прежде всего, колыбель, из которой вышел небесный заступник города Великие Луки – преподобный Мартирий Зеленецкий и Великолукский чудотворец.

«КОГДА ЗАЖГЛАСЬ СВЕЧА?»

Когда знакомишься с историей Троице-Сергиева монастыря, возникает проблема установления точной даты и обстоятельств его появления. Достоверные письменные источники, к сожалению, до сих пор неизвестны.

Академик П.М. Строев указывал, что Троице-Сергиев монастырь в Великих Луках был основан в конце XVI века. Если отталкиваться от самого названия, которое связано с почитанием преподобного Сергия Радонежского, тогда перед нами довольно точная датировка. Однако есть основание полагать, что обитель возводится на месте более древнего монастыря, который мог быть известен с конца XIV – начала XV века.

В этот период Великие Луки считались спорной территорией Литовского княжества и Новгорода, а расположение пустыни на высоком берегу Ловати делало ее форпостом западной окраины города. Не случайно историк М.И. Семевский упоминает, что в результате опустошительного набега литовского короля Витольда уже в 1408 году были уничтожены деревянные постройки Сергиевского монастыря.

Также необходимо обратить внимание на книгу протоиерея Иоанна Пульхерова «Великолукский Троице-Сергиев мужской третьеклассный монастырь» (1870), где автор приводит достаточно подробную историю и описание обители. В частности, он упоминает две версии по поводу основания монастыря на Ловати. Первая связана с эпохой Дмитрия Донского (1360), когда там существовал только Троицкий монастырь. По другой версии, обитель могла появиться вскоре после обретения мощей преподобного Сергия Радонежского в 1422 году, во имя которого и был создан придельный храм.

И.К. Смолич утверждал, что для древнерусской религиозности не сама система, а духовный пример носителей этой системы играет главную роль. Древнерусский человек в своем христианском мире живет всегда в окружении этих примеров и образов – икон и святых, которые оживотворяют религиозную систему (догматы и веру) и ведут его к истинно религиозной жизни; эти образы говорят ему, что всякому человеку открыт путь к такой жизни по примеру прославленных святых подвижников. В этом смысле религиозное и культурное значение Сергия Радонежского для средневековой Руси было исключительным. Прежде всего, с его личностью связано наступление переломного момента в борьбе с Золотой Ордой и возрождением национального самосознания русского народа.

Икона преподобного Мартирия Зеленецкого и Великолукского чудотворца (хранится в Свято-Вознесенском кафедральном соборе г. Великие Луки)

Известно большое количество монастырей, основанных ближайшими учениками, «собеседниками» и последователями Радонежского чудотворца, по всей Руси: в Вологодской, Нижегородской, Костромской и Московской землях. Следует упомянуть святого Кирилла Белозерского († 1427), создателя прославленного Кириллова монастыря на берегу Белого озера, из которого вышло новое поколение духовного воинства: Нил Сорский, Савватий Соловецкий, Корнилий Комельский и т.д. Однако никто из них не дерзал назвать свою обитель Сергиевской. Даже первый каменный храм Троице-Сергиевой лавры, воздвигнутый в 1422 – 1423 гг. в честь преподобного, именовался не иначе как «Троицкий».

Поэтому, даже учитывая неоспоримый духовный авторитет Сергия Радонежского, трудно представить, чтобы в начале XV века на окраине Великих Лук могла сразу появиться Сергиевская обитель.

Очевидно, что и в речи горожан закреплялись обыденные, разговорные варианты названий, которые впоследствии находили отражение во многих исторических документах. Так, например, церковь Богоявления Господня в Великих Луках в народе называлась Никольской, напоминая о том, что она была построена на месте деревянной церкви Николая Чудотворца древнего Никольского монастыря. Зачастую такая традиция отражала личное отношение местного населения к тем или иным святым. В случае с Сергиевским монастырем мы видим еще и практический смысл, ведь, по преданию, в 1600 году в центральной части города появляется Троицкий храм. Расположение двух церквей в честь Святой Троицы могло вызвать путаницу, но упоминание о древнем придельном храме в честь Преподобного Сергия решало проблему.

Обратим внимание на любопытные данные из Писцовой книги великолукского Вознесенского женского монастыря 1620–1626 гг., которые цитирует протоиерей Иоанн Пульхеров: «да на Луках Великих на низ реки Ловати изстари Монастырь Сергиевский и в нем храм во имя Пречистыя Богородицы Одигитрии и Преподобнаго Сергия древен клецки (глубоко) да на Монастыре ж четыре кельи, и живет строитель старец Вассиан да черный поп Киприан с братиею».

По-видимому, изначально храм Пречистой Богородицы Одигитрии и давал название древней обители. Это была первая и главная церковь, а придел Сергия Радонежского мог быть возведен позже – после прославления святого. Не стоит также забывать о традиции, по которой в официальных документах каждый освященный церковный придел именовался храмом и носил отдельное название.

В греческой и русской культуре слово «Одигитрия» (от греч. – «путеводительница») означает иконографический тип, характерный для образа Богородицы, которая изображена по пояс. Левой рукой Она поддерживает Богомладенца Христа со свитком в левой руке и благословляющего правой. Известно большое количество списков этого образа, которые имеют разные названия в зависимости от места обретения: «Воронинская», «Смоленская», «Тихвинская», «Казанская» и др.

В книге «Спутник по Московско-Виндавской железной дороге» (1909 г.) говорится, что изначально главный храм великолукского Сергиевского монастыря был воздвигнут в честь Смоленской Одигитриевской Божией Матери. Интересно отметить, что эта реликвия попадает на Русь в середине XI века и является древнейшим образом Богородицы на нашей земле.

Оказавшись в начале XII века в Смоленске, чудотворная икона становится главной святыней и покровительницей города на Днепре. Согласно преданию, в ходе осады крепости войсками хана Батыя в 1239 году именно она помогла спасти население от гибели и обратить врагов в бегство. Таким образом, почитаемый образ становится для русского народа символом заступничества Божией Матери перед лицом вражеской угрозы. Скорее всего, для Великих Лук такая святыня имела особое значение, поскольку город регулярно подвергался набегам и разрушению.

Смоленская икона сыграла важную роль и в жизни нашего земляка – преподобного Мартирия Зеленецкого и Великолукского чудотворца. В замечательном литературном памятнике средневековья «Повести Мартирия Зеленецкого» (80-е гг. XVI века) мы находим описание чудесного явления Богородицы в Великолукском мужском монастыре: «Будучи в обители той пономарем, поднялся я на колокольню в полдень и уснул. И увидел во сне огненный столп, как будто бы в этой стороне стоящий. Подошел я к огненному столпу и увидел стоящий около него образ Пречистой Богородицы Одигитрии, на золоте, величиной такой, как образ Одигитрии, что стоит в церкви на реке Тихвинке, за клиросом, с левой стороны, принесенный из Старой Руссы». Сталкиваясь с общим иконографическим типом, достоверно определить, что видел будущий основатель Зеленецкой обители, невозможно.

Очевидно, что явление Божией Матери оставило глубокий след в душе великолукского инока. С тех пор у него появилось стремление к отшельнической жизни. В период тяжелых раздумий, пытаясь разрешить свои сомнения по поводу места будущего духовного подвига, Мартирий отправляется в Смоленск, чтобы поклониться чудотворному образу Богородицы.

Как объяснить столь неожиданный поступок? Сопоставив различные даты, можно сказать, что это паломничество совершалось между 1537 и 1560 гг., когда в память освобождения Смоленска от литовцев уже был основан Новодевичий монастырь в Москве (1524 г.) и установлен праздник в честь древнего образа – 28 июля (10 августа по новому стилю). А иконы типа Смоленской Одигитрии получили широкое распространение на Руси.

Очевидно, что для инока Мартирия эта святыня имела исключительное значение не только по личным мотивам, но и в связи с историей родной обители.

Также велика вероятность появления Сергиевского монастыря именно в конце XIV века, когда на этапе русского религиозного подъема стремительно растет число небольших монастырей (пустыней).

(Продолжение на стр. 6, 7, 8)

ВЕЛИКОЛУКСКАЯ СВЕЧА ПРЕПОДОБНОГО МАРТИРИЯ

(Продолжение. Начало на стр. 5)

Эта тенденция отражала процесс «монастырской колонизации», при которой городские монастыри не были больше тихими и надежными убежищами для тех, кто хотел заниматься духовным деланием.

В этот период происходит еще одно важное событие. Именно в конце XIV – начале XV века икона Богоматери Одигитрии попадает в Москву. По одной версии, таким образом святыню спасают от разрушительного похода Литовского князя Витовта на Смоленск в 1404 году. По другим источникам, икону увозит супруга великого князя Московского Василия Дмитриевича Софья в 1398 г. В любом случае это была крайняя мера для того, чтобы сохранить чудотворный образ. В XIV веке Смоленск не раз подвергался вражеским набегам и осадам, и всякий раз возникала угроза гонений на православную веру. Наверняка многие жители Смоленска в эти суровые дни также искали убежища. Таким образом, на берегу Ловати могли поселиться иноки одного из смоленских монастырей, которые стремились уйти на север – в новгородские земли. На тот момент Новгород был центром культурной и экономической жизни Древней Руси, он также сохранял независимое положение между Москвой и европейскими державами, в частности, Литвой и Польшей. Здесь велась активная торговля, развивалось ремесленное производство. Как и Смоленск, Новгородская республика не испытала на себе тягот ордынской власти и сохраняла традиции вечевой демократии.

Представленная реконструкция исторических событий гипотетична, а значит, имеет право на существование и может учитываться в ходе дальнейших исследований.

ВЕЛИКОЛУКСКИЙ ЧУДОТВОРЕЦ

Молись о нас, борец великий
И победитель темных сил,
Да внидем во святые лики,
Куда ты радостно вступил.
Иеромонах Антоний (Бочков)

Вторая половина XVI века стала трагическим этапом в истории Руси. Гибнут многие – и глава Русской Церкви митрополит Филипп, и блистательный полководец князь Владимир Старицкий, и Алексей Адашев, которому страна была обязана своим процветанием и успехами в то время.

Великолукская земля также сильно пострадала от многочисленных врагов и внутренних неурядиц. Постепенно Сергиевская обитель приходила в упадок и, как повествует житие Преподобного Мартирия Зеленецкого, до середины XVI века этот монастырь находился в запустении «из-за небрежения людей и живущих там иноков».

Все зыбко, все непрочно, и хочется оставить этот мир, найти тихую обитель, где можно спокойно молиться и отдавать свои силы на служение ближним. Многие стремились в монастырь. Все чаще об иноческом подвиге задумывался и юный Мина – в будущем святой Преподобный Мартирий Зеленецкий и Великолукский чудотворец. Он родился в Великих Луках в семье состоятельных и благочестивых горожан Козмы и его супруги Стефаниды. Ребенка назвали в честь великомученика Мины – египетского святого, который претерпел страдания и был обезглавлен в 304 году за отказ поклониться языческим богам.

Едва выучив Псалтырь, на десятом году жизни будущий подвижник лишается родителей и вверяет себя Божией воле. Иерей Благовещенской церкви Борис полюбил доброго сироту, часто видя его в храме, и становится его духовным отцом. Спустя несколько лет овдовевший священник принял постриг с именем Боголеп в монастыре Святых чудотворцев Космы и Дамиана в районе д. Рыканово (улица Рыкановская). Мина посещал его и после 1530 года, когда Боголеп переходит в великолукский Троице-Сергиев монастырь на должность строителя.

Строительство – это особый тип монастырского управления, характерный для небольших обителей и пустыней. Строитель, назначаемый из числа соборных старцев или наиболее авторитетных священников-чернецов, исполнял типичные для игумена обязанности, т.е. заведование монастырским имуществом.

В великолукском Сергиевском монастыре такое устройство сохраняется до 1670 года, а сам Боголеп сочетал в себе должности строителя, священника и духовника. В начале своего руководства он получает от царя Иоанна IV грамоту на преобразование пустыни в общежительный монастырь, что и происходит в 1533 – 1560 гг. Именно с этим периодом связано возрождение обители.

Напомним читателю, что в Древней Руси существовали три вида монашеского устройства: особное, отходное и общинножительное. Иногда люди, отрекавшиеся или помышлявшие отречься от мира, строили себе кельи у приходского храма, заводили даже игумена как духовного руководителя, но жили отдельными хозяйствами и без определенного устава. Такой монастырь – «особняк» составлял не братство, а товарищество, объединяющееся соседством, общим храмом, иногда и общим духовником. Это называлось особным житием. Отходному житию посвящали себя люди, стремившиеся жить в полном пустынном уединении, пощении и молчании; оно считалось высшей ступенью иночества, доступной лишь тем, кто достигал иноческого совершенства. Общежительный монастырь – это монашеская община с нераздельным имуществом и общим хозяйством, с одинаковой для всех пищей и одеждой, с распространением монастырских работ между всей братии, главным правилом для которой было ничего не считать своим.

Старец Боголеп был схимником и вел строгую подвижническую жизнь. В Житии святого Мартирия Зеленецкого говорится: «Боголеп, Богом наставляемый, стал там жить самой строгой жизнью, в усердных трудах постоянно пребывая и все нужное для монастыря делал своими руками. Видя его добродетельную ангелоподобную жизнь, к тому же и руководство монастырем, начали отовсюду приходить к нему люди и принимать от его руки монашеский постриг». Также мы находим сведения о том, что в обители не было других священников кроме Боголепа: «Не приходили священники туда, ибо слышали от многих, что суровую жизнь святой старец ведет, и на трапезе пища скудная бывает – хлеб обычный и немного овощей от плодов земных, а питье – вода, сладкой же снеди у них совсем не было. И эту обычную пищу только один раз в день ели они в девятом часу, а после трапезы выходили все из монастыря и делали своими руками необходимое».

Также упоминается, что за свою праведность Боголеп получил от Бога особые дарования: прозорливость и благодатную молитву. Однажды старец заболел, и служить литургию в монастыре стало некому, поскольку в это время все городские священники были заняты. Тогда по усердной молитве настоятелю было даровано чудесное исцеление.

Видя праведность и бескорыстное служение Боголепа, местное население охотно жертвовало свои средства на нужды обители, которая развивалась и крепла в духе истинной веры.

На месте сгоревших и полуразрушенных зданий ведется строительство. По-видимому, именно в первой половине XVI века Боголеп возводит деревянный храм в честь Пресвятой Троицы с приделом Преподобного Сергия Радонежского.

Видя искреннее желание Мины стать монахом, прозорливый настоятель постригает его с именем Мартирий и открывает юноше дальнейшую судьбу: «Верю Богу, что унаследуешь ты блаженство древних преподобных отцов и воздвигнешь храм в непроходимом пустынном месте, и там множество душ человеческих спасутся благодаря тебе».

В монастыре Мартирий нес разнообразные послушания: был хранителем церковных ключей, казначеем, пономарем, заведовал монастырской кладовой. И.М. Пульхеров указывал, что, по преданию, келья преподобного Мартирия Зеленецкого находилась там, где позже появился притвор храма Животворящей Троицы. Именно во время пребывания в монастыре благочестивый инок был удостоен явления Божией Матери.

Спустя какое-то время руководству Мартирия был поручен инок Авраамий (в миру – Афанасий), который и заменил его труды по храму. Прожив несколько лет в обители при своем духовном отце Боголепе, Мартирий решает поселиться в уединенном месте, и поздней осенью тайно уходит за несколько десятков километров от Великих Лук. Живя в землянке, он плел и продавал лапти, при этом постоянно подвергался всевозможным искушениям: «В той пустыни я от бесов много устрашений претерпел. ‹…› Я же, сотворив молитву, сказал им так: О, отпадшие бесу, что сделал вам я, грешный? Вы же привели меня в эту пустынь и хотите насмеяться надо мной». Удивительные слова мы слышим от истинного подвижника. Е.В. Крушельницкая полагает, что Мартирий таким образом выражает свои душевные сомнения в правильности тайного ухода из монастыря без благословения настоятеля. А.М. Ранчин также отмечал, что рассказ Мартирия – это отражение его сомнений (не описанных в произведении, но восстанавливаемых в подтексте) в богоугодности ухода из Сергиева монастыря: ведь уйдя из обители, составитель Повести также «отпал» от спасительного священного пространства.

Старец Боголеп наказывал ему возвратиться в общежитие, так как здесь он мог быть полезным и для других. Однако, находясь в смятении, начинающий отшельник отправляется на поклонение смоленским святыням, где Преподобные Авраамий и Ефрем чудесным образом укрепляют веру молодого инока и благословляют его: «следует тебе жить в пустыни, где Господь благоволит и Пресвятая Богородица наставит».

В целом уход монаха из обители нельзя было считать чрезвычайным происшествием. Послушания, связанные с мирскими заботами, опыт переживания духовных откровений и чудес заставляли подвижников прошлого искать уединения. Так было и с преподобным Сергием Радонежским. Достаточно вспомнить, что его попытка ввести общинножительный устав в Троицком монастыре встретила недовольство родного брата – игумена Стефана (Кириллова). Эта ссора грозила серьезными последствиями. Составители «Жития» признавали, что у Стефана были единомышленники: дьявол «в помысл вложи, яко не хотети Сергиева старейшинства». Не вступая в открытую борьбу, преподобный Сергий в тот же день покинул монастырскую ограду и впоследствии выбрал место для новой обители на глухой речке Киржач. Только вмешательство митрополита Алексея и изгнание ослушников позволили восстановить мир в Троице, а Сергий получил возможность завершить реформу.

Но вернемся к истории нашего земляка. После Смоленска на какое-то время инок Мартирий поселяется в Тихвинской обители, но обеспокоенный большим количеством богомольцев, он просит Бога указать ему уединенное место для духовных подвигов. И однажды ночью его ученику Авраамию было знамение крестовидной зари над Зеленым островом. Остров представлял собой возвышенность с приятной зеленью, который окружали мхи, болота и топи. Теперь строгий отшельник нашел то, что так долго искал, и благодарил Господа. Иногда благочестивый местный житель Иосиф приносил монаху еду.

Прослышав о праведном отшельнике, с особенным жаром устремились в его пустынь искренние подвижники. И было чему учиться у строгого настоятеля. Мартирий построил часовню и кельи, огородил их деревянной стеной. Узнал о преподобном и благочестивый новгородский боярин Феодор Сырков. Его усердием был построен в Мартириевой пустыни храм Благовещения, а братия упросили старца принять сан священства и начальство над ними со званием игумена. Постепенно в новую обитель стали приходить паломники – слушать наставления игумена Мартирия. Так сбывались слова Боголепа о будущем отрока Мины.

Любопытно, но мы до сих пор не имеем никаких сведений о месте погребения первого духовного наставника святого Мартирия. Учитывая высокий авторитет настоятеля и его ключевую роль в возрождении Троице-Сергиевой обители, трудно представить, чтобы история последних дней Боголепа была забыта. Тем не менее сегодня – это одна из загадок древнего великолукского монастыря.

Неизвестно, как бы сложилась и судьба Мартирия Зеленецкого, если бы он остался в родной обители, но одно очевидно: следуя Божьему промыслу, Мартирий избежал страшной участи, уготованной монастырю и его братии.

В 1580 году Великие Луки подвергаются жестокой осаде войсками польского короля Стефана Батория. Накануне вступления в город вражеской армии жители поджигают укрепления «посада», которые представляют собой деревянные стены с 12 воротами. В Средневековье один из участков обороны тянулся от Троице-Сергиева монастыря вдоль р. Ловать до озера Чистое, к югу от крепости. В итоге Сергиевские ворота с бойницами, относящиеся к системе оборонительных сооружений, были сожжены. Когда в дневнике участника осады Яна Збоpовского читаешь, что 25 августа жители Великих Лук сожгли «весь город» (посад – О.Я., С.П.), планируя защищать только крепость, понимаешь, что вместе с деревянными стенами и башнями сгорели постройки недавно восстановленного Сергиева монастыря. Трудно сказать, что случилось с его насельниками, однако известно, что в осажденной городской крепости вместе с защитниками гарнизона укрывались и мирные жители. Страшный пожар и взрывы пороховых складов позволили войскам Батория овладеть крепостью 5 сентября 1580 года. Тогда была устроена кровавая расправа над пленными, в результате которой погибло до 7 тысяч человек.

Великие Луки оставались польско-литовской крепостью до 1583 года. Очевидно, что в этот период вопросы какого-либо церковного строительства не поднимались. Город, бывший вторым по значению в епархии, переживал очередную разруху. Д.М. Милютин писал, что после осады 1580 года Великие Луки уже не поднимались до того значения, которое они имели, в качестве «оплечья Господина Великого Новгорода» и главного посредника Новгородского севера с полоцкими княжествами.

Между тем братия Зеленецкой обители под Тихвином терпела нужду, но росла в духовной жизни. В писцовой книге 1582 года читаем: «В Михайловском погосте, на Ладожском пороге, монастырь, называемый Зеленая пустынь, на острове, вновь строится в черном лесу. В монастыре церковь Живоначальной Троицы, другая церковь – Благовещения с трапезою, обе деревянные, в монастыре игумен Мартирий и 12 старцев; ограда вокруг монастыря – деревянная, за монастырем двор коровий и конюшенный; пашни нет».

Усердные труды, постоянная молитва и строгая монашеская жизнь были щедро вознаграждены Богом. Как сообщает в «Житии преподобного Мартирия» новгородский митрополит Корнилий, в 1595 году проездом в Москву наш земляк останавливался в Твери, по просьбе жившего там казанского царя Симеона Бекбулатовича, и молитвами своими оживил его умирающего сына Иоанна, положил на грудь бездыханному царевичу образ Богоматери. В знак благодарности Симеон умолил Мартирия принять довольно серебра на построение в его обители каменного храма во имя образа Пречистой Богородицы Одигитрии Тихвинской с приделом Иоанна Златоуста. Между прочим, казанский царь всю свою оставшуюся жизнь был ревностным почитателем и вкладчиком Зеленой пустыни.

Митрополит Корнилий до самой смерти в 1698 году также делал все возможное, чтобы память о преподобном игумене была жива. При нем возводятся: каменный пятиглавый Троицкий собор, каменная Благовещенская церковь с трапезной, трехъярусная колокольня, стены вокруг монастыря с церковью Иоанна Богослова над вратами, келейные корпуса. Прокладываются две дороги, связывающие монастырь с центрами епархии. Корнилий обеспечивал хозяйственное процветание монастыря, жертвовал богатую утварь и богослужебные книги.

Наш святой заступник и молитвенник преподобный Мартирий отошел ко Господу 1 (14) марта 1603 года. Местное церковное почитание Зеленецкого игумена начинается с 1747 года по личному указанию императрицы Елизаветы Петровны. Произошло это следующим образом. Посетив монастырь и узнав о том, что преподобному служат лишь панихиды, царственная особа указала: «Какое вам надо еще свидетельство, если он, когда еще жив был, царевича мертвого воскресил и многие чудеса творил? Служите ему службу и молебны по общей Минее, а панихиды по нему служить оставьте».

Святой Мартирий не оставил после себя богословских трудов или поучений. Известно лишь короткое наставление братии монастыря, которое отражает суть монашеского подвига и смирения. Приведем фрагмент этого послания: «Братья мои милые, прошу вас и молю, чтобы вы не надеялись ни на князя, ни на боярина, ни на какого властителя, а имели бы во всем надежду на Живоначальную Троицу и на Пречистую Богородицу. И чего у них, у Светов, просил, то Они мне, грешному, даровали. У Них только осмеливался я все просить. Так и вы дерзайте у Живоначальной Троицы и Пречистой Богородицы все просить и, кроме Них, в помощники себе никого не ищите».

Известно, что до 1917 года великолучане молитвенно почитали своего земляка. Один из пяти престолов Троицкой церкви на Торговой площади был посвящен памяти «преподобного Мартирия Великолукского, Зеленецкого Чудотворца», а образ святого был увековечен на самом большом из девяти монастырских колоколов. Также на нем имелись рельефные изображения преподобного Сергия, мученика Платона и апостола Матфея, Тихвинской Божией Матери, Святой Троицы, Святого Иоанна Крестителя и следующая надпись: «Благовествуй земли радость велию».

В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Во время Смуты Великие Луки оказались спорной территорией, за которую с переменным успехом сражались сторонни-

ВЕЛИКОЛУКСКАЯ СВЕЧА ПРЕПОДОБНОГО МАРТИРИЯ

ки Лжедмитрия II и польский король Сигизмунд. В июле-августе 1610 года город оставался военной базой предводителя польского отряда Александра Лисовского, который поддерживал «тушинского вора». Как отмечает Я.Н. Рабинович, не только казаки, но и многие служилые люди по отечеству, дети боярские, считали для себя большой честью служить под его командованием.

Осенью под городом появляется Григорий Леонтьевич Валуев, который присягнул Сигизмунду и получил от него богатые земли за верную службу. Однако первая попытка подчинить Великие Луки польской короне оказалась неудачной. В декабре он вновь получает приказ короля идти в поход на Луки. На этот раз судьба города была решена. М.И. Семевский писал о том, что русский изменник Григорий Валуев в ночь на Рождество Христово 1610 года ворвался в город, напал врасплох на молящихся по церквам великолучан; безоружных жителей перерезал, город предал пламени! Несколько дней пылал обширный и богатый город, несколько дней пьянствовали и развратничали на его развалинах поляки и русские изменники. После неописуемых неистовств Валуев соединился с другим злодеем Салтыковым, во имя королевича Владислава стал действовать против шведов.

Повторно город был разрушен осенью 1611 года, когда торопецкий воевода Семён Гагарин освобождал его от войск пана Есенецкого – ставленника Г. Валуева. После этих печальных событий Великие Луки были обескровлены, и понадобились годы, чтобы город мог вернуться к прежней жизни.

Только в 1619 году началось восстановление оборонительных сооружений вокруг крепости при воеводе Григории Кокореве. Укрепления посада было решено не отстраивать, поскольку в этом уже не было стратегической необходимости. К работам привлекались мастера, уездные крестьяне, а также донские и уральские (яицкие) казаки, которые получают различные льготы и земли в Великих Луках. Можно допустить, что восстанавливается и Троице-Сергиев монастырь, поскольку возле него начинает образовываться слобода – территориально обособленное поселение, в котором жили люди одного рода занятий, иногда одного места происхождения или сословной принадлежности. Так же могла называться территория, принадлежавшая определенному владельцу (частному лицу, монастырю).

В 1627 году писцы И.В. Беклемишев и Д. Скирин отметили под «монастырем» слободку в 4 бобыльских двора (4 человека). Благодаря хозяйственной деятельности эта местность стала обживаться, и к 1647 году в Сергиевской слободе размещались 9 дворов, а в 1678 году их было уже 16 с населением 63 человека.

Последний раз польские войска нападают на Великие Луки в 1668 году. Тогда они выжгли предместья и, не решившись осаждать крепость, удалились. С этого времени город уже не видел под своими стенами неприятельские войска.

По-видимому, Троице-Сергиев монастырь вновь был разрушен, поскольку его дальнейшая история прослеживается только с 1670 года, когда в обители вводится игуменское управление. Первым эту должность занимает о. Варлаам. Он был известен тем, что руководил созданием Вознесенского девичьего монастыря на месте разрушенного Ильинского. Вплоть до середины XVIII века наместники Сергиевской обители непосредственно занимались вопросами возведения нового монастыря, поскольку деревянные постройки нуждались в восстановлении и ремонте. Только после 1724 года начинается строительство первых каменных зданий, а в 1751 году освящается главный храм в честь Вознесения Господня.

Нельзя забывать, что первая половина XVIII века стала суровым испытанием для русского монашества. Рост монастырских землевладений и появление крупных монастырей привели к тому, что последние стали играть все более заметную роль в жизни общества и государства. Если в скитах и пустынях иноки вели аскетический образ жизни, то богатые монастыри вели активную торговлю, приобретали земельные угодья и другую недвижимость.

Реформы Петра I ставили Церковь в зависимое положение, подчиняя ее государственным интересам. Этому способствовали: упразднение патриаршества (1700), возобновление деятельности Монастырского приказа (1701) и учреждение Святейшего Правительствующего Синода (1721).

Целый ряд указов в этот период вводил строгие правила жизни в монастырях и регламентировал имущественные отношения. Например, переход из одного монастыря в другой запрещен, писать монахи и монахини могли только в трапезе с позволения начальства, ибо оказывалось, что в кельях писались вовсе не душеспасительные вещи. Нельзя никого вновь постричь без царского указа и т.д. В свою очередь, Монастырский приказ, где сосредотачивались доходы с монастырских имений, выдавал монахам на содержание известное количество денег и хлеба, остальное должно было идти на пропитание нищих, в богадельни и в бедные монастыри, у которых не было вотчин.

Но эти меры были не столь разрушительными, как политика Анны Иоанновны в период 1730–1740 гг. Репрессивные меры Тайной канцелярии ставили под угрозу существование монашества в России. При проведении так называемых разборов (расследований) монахи изгонялись из монастырей – молодых забирали в солдаты, пожилых лишали звания и отправляли на принудительные работы на Урал или в Сибирь.

Так, например, архимандрит великолукского Сергиевского монастыря Иона (Лушаков) в 1737 году был лишен сана и сослан в Ордейскую пустынь в заточение, однако через 4 года он освобождается с правом выбора монастыря, в котором мог подвизаться. На тот момент старец ослеп и ему было уже 72 года. Такие истории не редкость. Многие обители пустели. В некоторых оставались лишь пожилые иноки, которые были не в состоянии служить в храмах и нести послушания.

Церковь на плане земель Великолукского Троице-Сергиева монастыря 1699 г. (фрагмент фото А.А. Голубинского)

Как известно, Петр I уделял особое внимание укреплению западных границ и принимал непосредственное участие в судьбе нашего города. Напомним, что в 1692 году император заложил здесь Воскресенский собор, а в 1704 году была построена новая земляная крепость с шестью бастионами и равелинами. Впоследствии царь не раз посещал Великие Луки.

На этом фоне развивается и Троице-Сергиев монастырь. В 1703 году обитель возглавил первый архимандрит – Пафнутий. Благодаря его ходатайству было одобрено строительство каменных церковных зданий. До этого там существовала только деревянная церковь. Ее рисунок можно увидеть в «Спорном деле между луцким пушкарем Афонасием Стояновым и подъячим Луцкой приказной избы Наумом Совоскеевым о луговых землях» от 1699 года. На плане земель Троице-Сергиева монастыря также видны избы Сергиевской слободы вдоль дороги, речки Ловать и Коломенка.

Лишь в конце 1712 г. при архимандрите Илларионе возводится пятиглавый собор во славу Святой Троицы с пределом преподобного Сергия Радонежского высотой около 17 саженей (23 метра).

В середине XIX века И.М. Пульхеров отмечал уникальность этого храма благодаря небольшому ковчегу с 20 частицами от святых мощей: преподобного Сергия Радонежского, великомуч. Димитрия, Иакова Персианина, Феодосия Печерского, Ионы и Алексия, митрополитов Московских, преподобного Нила Столобенского, Герасима, Леонтия, папы Римского, муч. Иустины, великомуч. Аникиты, Михея ученика преподобного Сергия, Илларионa Иконийского, Мины, Мартирия, Иакова Боровичского, Киприана, Фомы, Потапия Римлянина. Также в нем хранились части древа Животворящего Креста Господня, камня и пелены Антония Римлянина. Эти святыни появились в монастыре в 1715 году благодаря митрополиту Новгородскому и Великолукскому Иову. В начале XIX века их собирались перенести из монастыря в Троицкий собор на центральной площади Великих Лук, но благодаря игумену Иосифу они остались на месте «…для отвращения в верующих соблазна или, чего Боже храни, и самого возмущения». Также с этого времени в монастыре устанавливается традиция крестного хода на 5 (18) июля – день обретения мощей преподобного Сергия Радонежского.

Издревле Великие Луки подчинялись Великому Новгороду, и даже присоединение города на Ловати к Московскому княжеству при Иване III (1478) не значительно повлияло на жизнь местных монастырей и церквей, поскольку они продолжали состоять в Новгородской епархии. В свою очередь, владыка Иов, занимавший кафедру с 1697 по 1716 годы, действительно много делал для духовного развития Новгорода и Великих Лук. Продолжительное время он занимался ремонтом и украшением храмов в Великом Новгороде и, прежде всего, храма Знамения Божией Матери. Будучи человеком просвещенным и деятельным, он создает школу при архиерейском доме и закладывает основы новгородского образования, которое сочетало в себе славянские и греческие традиции.

Еще одним примечательным направлением служения митрополита была благотворительность. С 1707 года на свои средства Иов устраивал в Новгороде больницы, гостиницы для странников, первый в России дом для незаконнорожденных и оставленных младенцев. Его примеру последовал даже император Пётр I, распорядившийся во всех городах организовать госпитали, приюты, гостиницы с банями и поварнями для странноприимцев. Есть сведения, что Сергиевский монастырь в Великих Луках также содержал две богадельни, которые были построены в середине XVIII века при архимандрите Макарии.

В это время Сергиевский монастырь приобретает важное религиозное, экономическое и просветительское значение для города. Он располагал собственными лугами и пашнями по берегам реки Ловать. Постепенно к нему отошли несколько малых монастырей вместе с крестьянами, землями и рыбными промыслами. Среди них упоминаются: Серебреницкий-Дмитровский (1700), Хвойинский-Екатерининский (1763), а также Рыжков монастырь (Язельская, Рыжкова пустынь) в восьми километрах от Великих Лук (1713–1718).

По свидетельству И.М. Пульхерова, до 1764 года монастырь имел в своем распоряжении до 507 душ крестьян, около 950 десятин земли, получал прибыль от продажи сена и ржи. Церковные доходы составляли более 100 рублей, что в то время было значительным. Как и положено, обитель исправно платила оброк в городскую казну и церковную дань в новгородский архиерейский дом.

При императрице Елизавете Петровне в 1754 году архимандрит Макарий возводит в Сергиевском монастыре надвратную однокупольную церковь в честь великомученика Иоанна-Воина. Приведем описание, которое сделал И.М. Пульхеров: «храм этот имеет в длину 5 сажен, в ширину 4 и до 10 в вышину. Покрыт железом и освещается 8 окнами. Ровно через 107 лет обветшавший иконостас его переменен на новый, отделанный под белый мрамор, с золотом и мелкой резьбой. Живопись его работана в Москве лучшими художниками, и удачно гармонирует древности храма. Иконостас возобновлен усердием отца-архимандрита Макария. Стены храма убраны священными картинами и воинскими доспехами страстотерпца, среди арабесок и других лепных украшений на клею».

Кроме новой церкви, в монастыре появляется большое количество жилых и хозяйственных построек: кладовая, братский двухэтажный корпус, конюшня, баня, амбар и т.д. Деньги на строительство выделял сам настоятель, а также многие местные жители: М.М. Глазов, И.Н. Потылицын, П.Г. Грудинин, М.П. Сафонов и другие. Макарий умер в 1758 году, оставив только 20 рублей 5 копеек на свое погребение: на гроб, свечи, некоторые одежды церковнослужителям, за чтение Псалтыри, склеп, на закуску, подаяния, в девичий (Вознесенский) монастырь, тюрьму и богадельню.

По преданию, могила архимандрита находилась под спудом Тихвинской церкви.

Другой заметной фигурой, связанной с историей монастыря, был митрополит Новгородский Димитрий (Сеченов). Он запомнился своим активным миссионерским служением в Казанской, Нижегородской, Астраханской и Воронежской губерниях, в разные годы управлял Нижегородской и Рязанской епархиями. 28 октября 1757 года Димитрий получил сан архиепископа и стал митрополитом Новгородским и Великолукским.

Митрополит Новгородский и Великолукский Димитрий (Сеченов) (гравюра А.А. Осипова)

На этом поприще он показал себя мудрым и деятельным иерархом. Его основной заботой стало открытие новых учебных заведений для духовенства во всей епархии. По его предписанию в 1758 году в Троице-Сергиевом монастыре открывается духовное училище для Великолукского, Холмского и Пусторжевского (Новоржевского) уездов. По-видимому, это было первое учебное заведение Великих Лук. Позднее на этом месте располагалась гимназия для детей духовенства, которая по образовательному значению соответствовала низшим классам духовной семинарии, однако из-за недостатка средств она была закрыта в 1803 году.

Известно, что митрополит Димитрий пользовался благосклонностью Екатерины II и получал привилегии для своей епархии.

Сама же императрица 26 февраля 1764 года издает указ о церковных владениях, который закреплял процесс секуляризации. В результате земли архиерейских кафедр, церквей и монастырей становятся собственностью государственной казны. Крестьяне также передавались в ведение Коллегии экономии и облагались подушным окладом (налогом).

По итогам этой реформы было упразднено 567 из 954 монастырей. Большинство из оставшихся обителей были разделены на 3 класса в зависимости от уровня государственного содержания и численности насельников, регулируется численный состав братии, которой назначается соответствующее жалование. Оставшиеся заштатные монастыри должны были существовать на добровольные пожертвования и труд монахов. Эта участь постигла и Зеленецкий монастырь, основанный преподобным Мартирием. Вплоть до 1771 года обитель находилась в запустении и даже подверглась разорению.

Сергиевский монастырь в Великих Луках стал относиться к 3-му классу. Государственная казна выделяла обители на разные нужды по 806 руб. 30 коп. ежегодно. Деньги шли на содержание храмов, продукты, кузницу, дрова, а также обеспечивали братию и настоятеля. Этих средств, естественно, не хватало, поэтому доход приходилось извлекать из монастырских земель, от продажи свечей, добровольных пожертвований и «вечных вкладов», за которые совершалась постоянная молитва о спасении души того или иного прихожанина. Например, в конце XIX века такие вклады были у многих именитых горожан: игуменьи Вознесенского монастыря Палладии, игуменьи Калисфении, майора Василия Дураковского, Ивана Николаевича Потылицына, Алексея Васильевича Чудова, купца Невленинова, самого архимандрита обители Макария и др. Среди ктиторов была и представительница старинного рода – Анна Алексеевна Орлова-Чесменская.

Новый этап строительства в обители приходится на 80-е – 90-е гг. XVIII века. Он был связан с именем первого игумена Сергиевского монастыря Парфения (Дураковского), который происходил из семьи великолукских дворян. Известно, что предки

Продолжение на стр. 8)

ВЕЛИКОЛУКСКАЯ СВЕЧА ПРЕПОДОБНОГО МАРТИРИЯ

(Продолжение. Начало на стр. 5, 6, 7)

фамилии Дураковских (Иван и Игнатий) были жалованы поместными окладами и имениями за службу Великому Государю Петру Алексеевичу в самом начале XVIII века.

И.М. Пульхеров также указывал, что о. Парфений был чиновником провинциальной канцелярии. В 1764 году он принял монашество в Рдейской пустыни Холмского уезда, служил иеродиаконом и казначеем при новгородском Архиерейском доме, а с 1776 года стал управлять Троице-Сергиевым монастырем в Великих Луках.

Нельзя обойти вниманием очень важное для нашего города событие. Игумену Парфению выпала честь принимать императрицу Екатерину II в стенах святой обители летом 1780 года на пути из Белоруссии во время ее путешествия по Российским губерниям. В.Н. Лещиков указал, что это была инспекционная поездка для того, чтобы установить, каким образом на местах проходит реформа местного управления, запущенная в 1775 году. Также исследователь отмечает, что, совершив несколько подобных проверок, Екатерина II ввела в практику членов Царской семьи Романовых регулярные поездки по стране.

Безусловно, великолукские власти добросовестно готовились к приезду царицы, а сама встреча отличалась торжественностью и размахом. Императрица переночевала в специально построенном деревянном дворце, а утром участвовала в литургии в Троице-Сергиевом монастыре. Это еще раз подтверждает тот факт, что монастырь занимал ведущее положение в городе.

Накануне приезда на стене одного из монастырских храмов был написан портрет Екатерины II с памятной надписью по случаю столь важного события: «Лета сотворения мира 7288 года, а от Рождества Христова 1780 года июня 6 дня Ея Императорское Величество, всемилостивейшая государыня императрица Екатерина Алексеевна Всероссийская во время предприятия высочайшею ее особою в Белорусские места путешествия, благоволила всемилостивейше высочайшим своим посещением обрадовать град наш Великие Луки, где во вновь построенном для Ея Величества дворце и обнощевать соизволила. А на другой день июня 7 числа, в праздник св. Пятидесятницы, в той день случившейся, посетила высокомонаршим благоволением св. обитель сию, множеством народом сопровождаема. А при входе в оную обитель Ея Императорское Величество встречаема была оныя ж обители игуменом Парфением Дураковским краткой речью и благоволила в оной обители слушать божественную литургию, которая в высочайшем Ея Величества присутствии отправляема была помянутым игуменом в соборе и для возобновления оныя всемилостивейше пожаловать соизволила на ограду 1000 руб., да особо монастырю 200 рублей…».

Также императрица по ходатайству игумена перенесла традиционный крестный ход из монастыря к Троицкому собору с престольного праздника на Духов день, «…а в Троицын день повелела быть крестохождению в монастыре из всех городских церквей и в 1780 году, 7 июня сама изволила открыть его, шествуя вместе с народом, святыми иконами и служителями Божиими в монастырь».

В целом можно сказать, что царственная особа осталась довольна Великими Луками, и ее визит имел благотворное влияние на жизнь монастыря. Вскоре возле северной стены была возведена новая церковь – в честь Рождества Иоанна Предтечи (1789), в которой располагался алтарь и трапезная – кирпичная постройка около 17 метров длиной и 13 шириной с 7 окнами. Примечательно, что здесь по левую сторону от входных дверей находилась икона преподобного Сергия Радонежского и Мартирия Зеленецкого, а вверху на той же доске – образ «Коронование Божией Матери».

В 1796 году над Предтеченским храмом была построена Тихвинская церковь. Ее купол был украшен образом Спасителя, Святых Евангелистов, Святителей и Божией Матери на холсте, который был передан из военной походной церкви в 1814 году. К сожалению, это полотно сгорело 4 июля 1878 года. От пожара пострадала и сама церковь. Внешне храм напоминал обычное здание, и только наличие креста указывало его назначение.

Также в 1781 году игумен Парфений достраивает колокольню с часами, шпилем и позолоченным крестом над притвором Троицкой церкви. До этого колокольня была одноэтажной, но пожалованные императрицей деньги позволили в короткие сроки возвести это замечательное сооружение. Таким образом, ансамбль монастыря приобрел свой характерный облик, запечатленный на дореволюционных фотографиях.

ВРЕМЯ СТАРЦА АНТОНИЯ

Начало XIX века было отмечено событиями Отечественной войны, которые коснулись и Великих Лук. Прежде всего, напомним, что в 1812 году на окраине города у д. Сеньково был заключен договор между Россией и Испанией о совместной борьбе против армии Наполеона.

Тогда же в войну вступают великолукские ополченцы в составе корпуса графа Петра Христиановича Вингенштейна. Под его командованием 7 октября 1812 года русские войска освободили Полоцк, тем самым, нарушив планы Наполеона по захвату Петербургской и Псковской губерний.

Как и следовало ожидать, местные жители и духовенство были вдохновлены идеей спасения России от посягательств захватчиков. Сочинение прапорщика Р. Зотова наглядно показывает, как встречали ополченцев горожане Великих Лук: «тут нашли мы в жителях самый радушный, самый бескорыстный прием. Ни за что не хотели с нас деньги брать». Автор был искренне восхищен патриотизмом целого города, где люди договорились бескорыстно служить защитникам Родины.

Нельзя не отметить щедрость игумена Сергиевского монастыря иеромонаха о. Ионы, который пожертвовал на ополчение 515 рублей, продав для этого жемчуг с окладов и добавив 100 рублей из личных сбережений в пользу пострадавших от войны.

На данном этапе активного строительства в монастыре не велось. Более того, обитель стала приходить в упадок, что стало особенно заметным в постройках и убранстве монастырских храмов. Приведем краткую выдержку из реестра 1825 года: «На воротах и на башенках – три образа ангельских из листового железа. По ветхости крыши и шпилей сняты, хранятся в кладовой. В ограде, что вокруг монастыря, во многих местах трещины, крыша на ней вовсе ветха, во многих местах совсем нет. Колокол весом 1 пуд расколот сверху донизу в время Святой недели неизвестно кем».

Только постепенно к 1828 году были проведены масштабные ремонтные работы. Это было время, когда обитель приобретала административный вес в городе. Не случайно ее игумены Никандр, Самуил, Митрофан, Пётр один за другим становились первоприсутствующими великолукского духовного правления.

Особенность любого провинциального города – это, на первый взгляд, малозначительные для истории события, которые становятся дороги для местных жителей и вспоминаются с теплотой. Так случилось, что в октябре 1837 года по дороге в Петербург наш город посетил митрополит киевский Филарет. Как писали «Епархиальные Ведомости», «приезд его оказался для властей полной неожиданностью, и встречи не было никакой. Владыка подъехал к станции и, пока переменили лошадей, дошел пешком до находившегося поблизости от станции Вознесенского девичьего монастыря. <…> Настоятельница монастыря Каллисфения пригласила митрополита посетить ее кельи <…>. В следующем 1838 году митрополит Филарет, при возвращении из Петербурга и при новой поездке туда по осени, дважды останавливался в Великих Луках, и оба посещения им этого города, как заранее оповещенные, были уже лишены патриархальной простоты…». Филарет планировал посетить и Троице-Сергиев монастырь, где для его встречи собралось духовенство. Но на ближайшей к городу Сеньковской станции кто-то ложно сообщил, будто от города до этого монастыря трехверстное расстояние. Погода стояла холодная; к тому же владыка чувствовал сильное утомление, почему и решил опять остановиться в женском монастыре, как находившемся на тракте. Однако в свой третий визит на следующий год киевский митрополит все же удостоил вниманием знаменитую обитель на берегу Ловати.

Продолжая тему знаменитых гостей нашего города, нельзя обойти вниманием очень содержательное и интересное описание Сергиевского монастыря из книги «Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году» Олимпиады Петровны Шишкиной (1791–1854), автора известных в XIX веке исторических романов, фрейлины императрицы Александры Федоровны: «…мы, дорожа временем, отправились в Троицкий Сергиев мужской монастырь, на берегу Ловати. Вновь приехавший туда игумен хлопотал по случаю приближающегося праздника; везде чистили, белили, красили. Однако он сам показал нам церкви, приняв нас с величайшим радушием, хотя мы явились без всякого предуведомления, и на одной лошади. Должно отдать справедливость, что в наших монастырях вообще ласково принимают богомольцев, не расспрашивая об их звании и состоянии, с благодарностью принимая всякое пожертвование, большое и малое, и ничего ни от кого не требуя. В соборной церкви пресвятой Троицы, построенной в 1706 году, при Новгородском митрополите Иове, Тайная Вечеря на Царских вратах, и вверху над ними – Господь Саваоф, окруженный ангелами, резные, раскрашенные, сделаны довольно искусно; некоторые лица даже очень выразительны. В приделе преподобного Сергия иконостас богато вызолочен, а свод обит холстом, на котором, по темному грунту, во весь рост изображены святые угодники, что вдруг поражает, как будто с высоты надзирают они над входящими в храм. В настоятельских кельях, где добрый игумен нас почивал квасом, который предпочли мы чаю, замечательны старинные английские столовые часы. Над обыкновенным часовым кругом представлено море, и на нем беспрестанно качается корабль. «Это изображение жизни нашей, – сказал игумен, – так-то мы здесь непрестанно волнуемся».

В 1854 году игуменом Троице-Сергиева монастыря становится о. Полиевкт, епископ Рязанский и Зарайский (в миру – Пётр Тимофеевич Пясковский). Выпускник Санкт-Петербургской духовной семинарии, он был назначен ректором Великолукского духовного училища и членом Великолукского духовного правления. В своей статье Павел Макаровский отмечал: «Это личность благороднейшая, светлая, симпатичная и гуманнейшая. Он решительно восстал против «розги» и положительно отрицал ее; но при его ректорстве ученики всегда вели себя благоправно, учились прилежно и хорошо, они всевозможно старались угодить любимому о. ректору и не делали шалостей, чтобы не оскорбить его <…>. При отце ректоре Полиевкте, ученики вместе с учителями на «рекреации» ходили за город, – версты за 3-4, куда-либо в лесок, для игр. Там их оделяли гостинцами от о. ректора, и они веселились по-детски и пели своему любимому начальнику «многая лета»; а учителя по-своему справляли «маевку». Иногда случалось, что инспектор не дозволял ученикам беспокоить просьбой о рекреации о. ректора; но ученики не унывали, и один из них, кто посмелее, отправлялся в монастырь к о. ректору (училище отстояло недалеко от монастыря), и от имени всех учеников просил у него рекреации, которая всегда почти и давалась».

В самом монастыре Пролиевкт продолжил строительство и реставрацию, обновив иконостас в приделе преподобного Сергия и трапезную в Троицкой церкви. И.М. Пульхеров так описывал внутренне убранство главного собора: «…иконостас византийской архитектуры, весь позлащен сплошь золотом нагольдфарбу, - современен построению церкви и обновлен только в 1780 году. В нем нет затейливых резных украшений. В иконостасе царские врата прорезные; живопись греческая – с золотом. Замечательная из икон: местный храмовый образ Пресвятой Троицы, украшенный серебряной, с пятью позолоченными венцами, ризой, 84 пробы, и имеет внизу надпись на эмалевой пластине: «25 августа 1839 года устроена риза сия игуменом Варлаамом с братиею на доброхотные пожертвования».

(Продолжение в следующем номере)

Двухэтажные братские кельи (справа), Предтеченская и Тихвинская церкви (слева) (фрагмент фото нач. XX в.)

Разрушенное здание братских келий (2019 г.)